

БІБЛІЯТЭКА САЮЗА ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ
БИБЛИОТЕКА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСІ

Алесь БАДАК

**ПОБЕГ
НА КРАЙ ДОЖДЯ**

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ
В ИЗБРАННЫХ ПЕРЕВОДАХ

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2014

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел)-5
Б15

Вступительная статья
Наума Гальперовича

Бадак, А. Н.
Б15 Побег на край дождя : проза и поэзия в избранных переводах / Алесь Бадак ; вступ. ст. Н. Гальперовича. — Минск : издательство «Четыре четверти», 2014. — 296 с. — (Библиотека Союза писателей Беларуси).

ISBN 978-985-7058-51-8.

Многие произведения Алеся Бадака переводились на сербский, венгерский, украинский, казахский, туркменский, азербайджанский языки, а в Таджикистане вышли отдельной книгой. Но чаще всего стихи и проза писателя в переводе на русский язык появляются на страницах российских литературных изданий, а в 2011 году он стал лауреатом премии имени Константина Симонова.

В эту книгу вошли избранные переводы произведений Алеся Бадака, сделанные как белорусскими, так и российскими авторами.

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел)-5

ISBN 978-985-7058-51-8

© Бадак А. Н., 2014
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2014

ГРАНИ ТАЛАНТА АЛЕСЯ БАДАКА

В мае 1990 года мы вместе вступали в Союз писателей БССР. Алесь Бадак, совсем по современным писательским меркам юный, тогда ему было всего двадцать четыре года, уже являлся автором первой поэтической книги «Будзень».

Вообще, несмотря на то, что в тот майский день было принято в писательское сообщество довольно много претендентов, отбор был очень строгий, и некоторых, даже известных впоследствии литераторов, принимали порой со второго, а то и третьего раза.

Нам с Алесем повезло: строгие аксакалы проголосовали тайным голосованием за нас, и мы стали полноправными членами организации, в рядах которой были Максим Танк, Иван Шамякин, Янка Брыль, Василь Быков, Владимир Короткевич...

А буквально через год имя молодого поэта зазвучало в концертных залах и на стадионах, по радио и в телепередачах. Его «Заварожаную фею» в исполнении Александра Солодухи подпевали тысячи людей. С тех пор поэт в содружестве с композиторами Олегом Елисеенковым, Эдуардом Зарицким, Валерием Ивановым, Эдуардом Ханком, Леонидом Захлевым и другими известными мастерами песенного жанра написал несколько десятков популярных песен, которые с удовольствием исполняли самые яркие звезды белорусской эстрады.

Постепенно раскрывался талант Бадака и как детского писателя. Этому способствовала его работа после окончания БГУ в журнале «Бярозка».

Именно тогда я познакомился ближе с Алесем, потому что после переезда в Минск перешел на работу в журнал «Вожык», редакция которого располагалась на одном коридоре с «Бярозкай». Я часто заходил к «бярозкайцам», у нас было немало интересных бесед о литературе, о событиях культурной жизни, о судьбах родного языка.

Оказалось, что многое нас объединяет: и в оценках, и в литературных вкусах, и во взглядах на процессы, происходящие вокруг. С тех пор судьба не раз нас сводила в разных совместных проектах, особенно когда я вернулся на Белорусское радио. Уже который год мы ведем в международном эфире программу «Магія слова», в которой рассуждаем о поэзии и песне, о белорусском художественном слове. «Мотором» программы является Алесь: он выбирает темы, находит интересный материал, в общем, основательно и творчески подходит к каждой задаче. Я порой жалею, что эти наши беседы звучат только в радиоэфире, настолько они были бы интересны на страницах нашей периодики.

Тут я подошел к главной, на мой взгляд, черте таланта Алеся Бадака. Я бы ее назвал — обстоятельность. Часто он подтрунивает над собой, говоря о своей лени. Но я бы сказал по-другому. Все, за что ни берется Алесь, он делает качественно, с огромной отдачей.

Поэтому порой отказывается от случайных проектов, не занимается суетой, самопиаром, не «тусуется» без причины даже в престижных компаниях.

У него уже немало написано. И в стихах, и в прозе, и в публицистике, и в жанре литературной критики, и в песенном жанре. Я с удовольствием читаю его произведения, слушаю песни на его стихи.

На мой взгляд, Алесь Бадак — один из наиболее ярких современных белорусских писателей, своим творчеством убедительно опровергающий скепсис некоторых околосредств массовой информации деятелей о непопулярности и низком качестве произведений нынешних представителей отечественной литературы.

Буду рад, когда после прочтения этой книги вы согласитесь со мной.

Наум Гальперович

I

ПО ТУ СТОРОНУ ОТРАЖЕНИЯ

Мой дядя Юзик был сумасшедшим. О родстве с такими обычно говорят неохотно. Хоть, если собрать всех сумасшедших мира, получилось бы целое государство. И кто знает, может, это был бы наилучший пример всеобщей гармонии (пусть себе в пределах одного государства), к которой человечество все время, и пока что безуспешно, стремится.

Надо сказать, были дни, когда разум к дяде возвращался, наполняя собой его сознание так же незаметно и неожиданно для всех нас, кто с ним жил, как бесплодные после грозы тучи вновь наполняются дождем. Тогда — обычно такое случалось во время наших прогулок по берегу Свислочи, рядом с которой, на улице Янки Купалы, мы жили, — дядя часто рассказывал про моих близких и дальних родственников, живых и умерших. И хоть некоторые истории были слишком уж невероятными, чтобы в них сразу поверить, слушая его, я не раз повторял самому себе: «Порой Бог, давая человеку мудрость, взамен забирает у него разум».

Одну из тех историй я помню и сегодня, хоть прошло уже девятнадцать лет, как дядя покинул этот мир, так и не найдя свой дом, разбомбленный немецкой авиацией в последнюю войну, на поиски которого на берег Свислочи он отправлялся почти ежедневно, со мной или с кем другим.

У дяди Юзика, кроме моего отца, был еще один родной брат, Василь, старший из всех детей Опанаса Матусевича и Марии Загорской. Год рождения Ва-

сия Матусевича — 1908-й — мне запомнился легко и на всю жизнь, поскольку как раз тогда в шестиэтажном отеле «Европа» установили первый в Минске лифт, а мой дед по отцовской линии имел непосредственное отношение к этому знаменательному для города событию. Да и сам я сегодня, в некоторой степени, отвечаю, в том числе, и за лифтовую систему столицы. В такой степени, когда знать историю минского лифтостроения совсем не повредит.

Вообще, в нашем роду все мужчины имели дело или с техникой, или со строительством, кроме дяди Василя. Он писал стихи. Этому предшествовало раннее взросление, которому сильно поспособствовало время, один за другим посылающее на Минск вихри перемен, вызванных, с одной стороны, Первой мировой войной, с другой — российской революцией. Горожане еще только начинали привыкать к большевистским лозунгам, которые так же легко было прочесть по их лицам, как и на кумачовых плакатах, однако менее чем через четыре месяца после провозглашения того, что вся власть в Минске перешла в руки городского Совета рабочих и солдатских депутатов, в ночь с 18 на 19 февраля 1918 года, большевики город вынуждены были оставить, а через два дня сюда вошли немцы. После капитуляции Германии перед Антантой и вывода ее войск с захваченных территорий в декабре восемнадцатого года большевики возвращаются в Минск, чтобы 8 августа следующего года снова оставить его — уже, правда, полякам. Однако через месяц поляки отдают город назад большевикам, но 15 сентября 1920 года заявляются сюда еще раз, ровно на неделю, окончательно сбив с панталыку горожан, которым в этом военном и политическом кавардаке рехнуться было легче, чем сохранить ясный ум. Наконец, чем-то ненормальным (хоть, на самом деле, это, наоборот,

свидетельствовало о начале выздоровления нации) кое-кому казалось тогда другое. В начале двадцатых самопровозглашенных поэтов в Минске было столько, что у впечатлительного Купалы, который еще недавно в отчаянии писал: «белорусы никого не имеют» — и которого могло необычайно расчувствовать появление очередного нового таланта, глаза не успевали просыхать от слез радости. Правда, подавляющее большинство поэтов были приезжими провинциалами, из деревень и местечек. Их было так много, что создавалось впечатление, будто единственное, что мешало белорусам превратиться в писательскую нацию, — неважное владение жителями крупных городов белорусским языком. По крайней мере, Василию Матусевичу это обстоятельство да еще прирожденная скромность и вправду загородили дорогу на страницы газет и журналов. Выслушав как-то в одной из редакций достаточно жесткую критику своих стихов, он перестал даже записывать их на бумагу, а носил в себе отдельными, нередко незавершенными строками, которые в нем рождались и умирали быстрее, чем меняется небо в ветреную погоду, и так часто меняли свой смысл, что казались бессмысленными. Воображаемый мир, созданный поэтическими образами, и мир реальный в голове его перепутывались, и часто было не понять, в каком из этих миров рождались мысли, когда он говорил:

— Я сегодня видел человека с двумя языками. Одним он слизывал огонь с остатков уничтоженного костела, который он сам же и спалил вместе с товарищами, а другим утешал мать.

Василь не знал, что от рифмованных образов время от времени надо избавляться, отдавать их бумаге, иначе в голове их станет слишком много и уже не ты будешь управлять ими, а они тобой. Так и случилось.

«Ему двадцать три года, а его совсем не интересуют женщины», — жаловался отец и, зная, что ключ от чужого сердца легче найти в столе, чем на кончике языка, однажды открыл ящик сынова стола, но не нашел в нем ничего, кроме папки с газетными вырезками и большим портретом Купалы сверху. Это были стихи и статьи поэта, интервью с ним, короткие сообщения о том, где и когда он выступал. А под кипой вырезок лежала тетрадка, на первой странице которой было записано:

«26.04.30.

Я все время сдерживал себя от того, чтобы вести дневник, но который день ношу в себе, под сердцем, без малого как беременная женщина, сказанное Им после того, как я, вместе с другими, помогал Ему спасти домашний скарб от наводнения. Он сказал: “Спасибо, миленький!” И когда я, разволновавшись, ватными губами прошептал: “Я Вас так люблю”, Он обнял меня и повторил: “Спасибо, миленький, спасибо!”»

В те весны Свислочь в Минске любила показывать горожанам свой нор, затапливая многие дома, в том числе и дом Купалы на Октябрьской улице. Охотников помочь поэту с временной эвакуацией (хоть при этом, чаще всего, имущество всего лишь поднималось на чердак) и правда всегда хватало, особенно среди молодых поэтов.

Про папку и дневник, найденные в ящике стола, отец Василию не сказал, а все попытки поговорить с сыном о его личной жизни ничего не дали. Василь еще больше замкнулся в себе и только Юзику как-то признался:

— Порою мне кажется, что у меня два сердца. Одно наяву, а другое во сне. И я не знаю, какое из них настоящее и где я настоящий. Только знаю, что во сне я совсем другой, даже внешне, хоть и никогда

себя там не видел. Но если бы я мог взять туда с собой зеркало...

Вскоре после этого он купил на базаре и повесил на стене возле своей кровати большое зеркало, которое помнило лица не одного поколения бывших хозяев, но никак не мог забрать его с собою в сны.

20 ноября 1930 года страшная весть облетела Минск: Купала хотел покончить жизнь самоубийством и порезал себя перочинным ножиком. Встревоженный, испуганный Василь весь вечер не поднимался с постели. Он плакал. А ночью ему приснилось наводнение на Свислочи. Задыхаясь, он прибежал к купаловскому дому, куда подступала вода. Как ни странно, Купала был один, даже без жены, тети Влади, и совершенно равнодушный к тому, что творилось с рекой.левой рукой он держался за живот, пряча рану, словно хотел, чтобы ее никто не видел. «Наводнение! — закричал Василь во сне и наяву, разбудив Юзика. — Иван Доминикович, вода затопит Ваш дом! Надо выносить вещи!» «Ну, что ж, — спокойно сказал Купала, — если хочешь, выноси».

Свободной рукой он взял нечто, что стояло у стены, и протянул Василю. Василь обеими руками схватил предмет и только тогда понял, что ему поддал Купала: это было зеркало, в котором он увидел себя...

Той же ночью, так и не освободившись от своего сна, Василь умер.

Мне казалось, что требовать от дяди доказательств правдивости этой истории, в которую я сам мало верил, по меньшей мере, некрасиво, учитывая его состояние. Поэтому я сказал достаточно неопределенно:

— Это просто невероятно, и не каждый в такое поверит.

Дядя долго молчал, а потом проговорил:

— Перед тем как внести в квартиру гроб, мама завесила темным платком зеркало. А ночью я не выдержал и отвернул край платка. Я увидел в зеркале живого Василия. Только лицом он был как-то непохож на себя. Если бы у нас была сестра, я бы подумал, что это она смотрела оттуда на меня. Но что меня поразило и испугало — Василь был там радостным! Не улыбался, но весь светился. Я аж отскочил и, пока не сняли платка, к зеркалу больше не подходил.

Дядя снова помолчал, а потом сказал:

— Когда-то я тоже увидел себя во сне в зеркале. И мне кажется, что я тогда навсегда остался там. Так и живу — во сне и в зеркале.

Я знал, когда это случилось. 5 марта 1953 года, в день смерти Сталина, дядя тоже плакал. А на завтра поехал в Москву, не подозревая, что каждый, кто тогда попадал на Трубную площадь, уходил с нее другим человеком. В день похорон он попал в самую давку, в которой погибли сотни людей. Обезумевшая от горя и любопытства толпа пронесла его сквозь земное чистилище, и когда он через неделю вернулся домой, глаза его светились кротостью, словно перед ними раскрылись тайнства рая.

Надо сказать, что я и сегодня не очень-то верю в эти истории с зеркалом, которое теперь висит в моей спальне на стене, в своей стадии переступив тот рубеж, когда каждая новая трещина на деревянной рамке только добавляет ему красоты. И все же, когда ложась спать, я думаю о том, что в снах можно увидеть кого угодно, но не себя самого, мое сердце начинает биться сильнее. Может, потому, что теперь мне очень тяжело, и кажется, что я вот-вот не сдержусь и заплачу...

ПОБЕГ НА КРАЙ ДОЖДЯ

— Дождь, — задумчиво сказала жена, и это было первое слово за долгие минуты их молчания.

Он поднял голову, сонно поглядел в окно электрички, — действительно, по стеклу сбегали дрожащие пунктиры — и перевел взгляд на дочку. Она сидела напротив, забившись в угол, тихая, безразличная ко всему, со своей любимой Барби на коленях.

Он боялся этой ее «тихости», но трогать дочку тоже не хотелось: может, она вспоминает что-то приятное?

— Поехали бы автобусом, аккуратно успели бы до дождя, — с сожалением сказала жена.

Конечно, это он предложил добираться до деревни электричкой, но иначе им пришлось бы проезжать мимо *того* места, о чем она знает не хуже него, однако же все равно не может смолчать. Такой уж она человек: если хочется выть волком, то плохо должно быть всему свету.

Он все посматривал на дочку, его взгляд остановился на рыжеватом тоненьком рубце с трещинками над левой бровью.

— Катя, будешь есть? — спросила жена.

Дочка покрутила головой.

— Андрей, а ты?

Его голова, следом за Катиной, в точности повторила те же движения.

— Как хотите, — вздохнула жена и спрятала бутерброды.

Через полчаса они стояли на маленькой пустынной станции, на которую напирал густой, мрачный лес. Дождь почти стих. Андрей в одну руку взял большую дорожную сумку, другую протянул доч-

СОДЕРЖАНИЕ

Грани таланта Алеся Бадака. <i>Наум Гальперович</i>	3
--	---

1

По ту сторону отражения. <i>Рассказ.</i> <i>Перевод Андрея Тявловского</i>	5
Побег на край дождя. <i>Рассказ.</i> <i>Перевод Андрея Тявловского</i>	11
Пес, который забыл свое имя. <i>Рассказ.</i> <i>Перевод Андрея Тявловского</i>	23
Баптистка. <i>Рассказ.</i> <i>Перевод Елены Леус</i>	39
Одинокий восьмиклассник хочет познакомиться. <i>Повесть.</i> <i>Перевод Ирины Шевляковой</i>	51

2

Трава. <i>Перевод Татьяны Лейко</i>	86
«Что еще будет? Чего еще ждать?» <i>Перевод Татьяны Лейко</i>	87
«Покуда нет тебя со мной...» <i>Перевод Татьяны Лейко</i>	87
Черт. <i>Перевод Валерия Гришковца</i>	88
Тишина. <i>Перевод Геннадия Авласенко</i>	89
«Никогда мы не станем родней». <i>Перевод Татьяны Лейко</i>	89

«В зеленых облаках дерев...»	
<i>Перевод Федора Ефимова</i>	90
«Хатка эта старую скворечней...»	
<i>Перевод Любови Турбиной</i>	90
Листопад. <i>Перевод Федора Ефимова</i>	91
Горечь опавшей листвы.	
<i>Перевод Валерия Гришковца</i>	92
«Мы становимся снова чужими с тобою».	
<i>Перевод Валерия Гришковца</i>	93
После грозы. <i>Перевод Федора Ефимова</i>	93
Потаенный сад. <i>Перевод Федора Ефимова</i>	93
Тоскую. <i>Перевод Валерия Гришковца</i>	94
Заветные слова. <i>Перевод Валерия Гришковца</i>	95
Небесные змеи. <i>Перевод Светланы Правдиной</i>	95
Подземные воды. <i>Перевод Изяслава Котлярова</i>	96
«То, что все ж не сбудется...»	
<i>Перевод Изяслава Котлярова</i>	96
Страх. <i>Перевод Валерия Гришковца</i>	97
Флейта. <i>Перевод Светланы Правдиной</i>	97
Маска. <i>Перевод Изяслава Котлярова</i>	98
Муравей. <i>Перевод Валерия Гришковца</i>	98
«Расскажи, где живет чародей...»	
<i>Перевод Геннадия Авласенко</i>	99
«Ты не стой у ветра на пути».	
<i>Перевод Юрия Матюшко</i>	100
После вечности. <i>Перевод Юрия Матюшко</i>	100
Когда я поверю... <i>Перевод Валерия Гришковца</i>	101
Сны. <i>Перевод Юрия Матюшко</i>	101
Возвращение с войны.	
<i>Перевод Светланы Правдиной</i>	102

Печаль листопада. Перевод Светланы Правдиной . . .	103
«Ни покоя, ни счастья, ни дома».	
Перевод Елизаветы Полеес	103
«Защити меня от смерти...»	
Перевод Елизаветы Полеес	104
Окна. Перевод Елизаветы Полеес	104
«Две беды за нами, две беды».	
Перевод Елизаветы Полеес	105
«Что с тобою знали мы про счастье...»	
Перевод Елизаветы Полеес	105
Крылья. Перевод Любови Турбиной	106
Молниевый посох. Перевод Изяслава Котлярова	107
Свет. Перевод Изяслава Котлярова	108
«Еще...» Перевод Изяслава Котлярова	108
Сентиментальность.	
Перевод Изяслава Котлярова.	109
Край света. Перевод Изяслава Котлярова.	110
Голос. Перевод Изяслава Котлярова	112
Камень. Поэма. Перевод Владимира Берязева	113
Эмиграция. Поэма. Перевод Изяслава Котлярова	117

3

Необычайное путешествие в Страну Ведьм.	
Повесть-сказка.	
Перевод Ирины Шевляковой	123
В темном лесу за синей рекой. Повесть-сказка.	
Перевод Ирины Шевляковой	215
Уходящая в вечность.	
Вместо автобиографии	279